

**РЕФОРМА ОБЩЕЙ ЧАСТИ И СИСТЕМЫ САНКЦИЙ
В НОВОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ХОРВАТИИ**

A. Маршавелски

**REFORM OF THE GENERAL PART AND THE SYSTEM OF SANCTIONS
IN THE NEW PENAL CODE OF THE REPUBLIC OF CROATIA**

A. Marshavelski

Статья посвящена наиболее существенным новеллам Уголовного закона Республики Хорватии 2011 г. В начале автор рассматривает новое содержание вины и принципа вины, затем переходит к разграничению виновничества и соучастия и определению критериев покушения на преступление и добровольного отказа от преступления. Особое внимание уделяется реформе системы уголовных санкций. Автор подробно анализирует появившееся впервые в хорватском уголовном праве наказание в виде 50-летнего тюремного заключения, сопоставляя его с другими возможными средствами удержания наиболее опасных преступников от совершения новых преступлений; указывает на различные законодательные (материально-правовые и процессуальные) меры, призванные решить проблему переполненности тюрем; детально описывает новую модель штрафа, исчисляемого в дневных ставках. По всем рассмотренным вопросам намечены пути дальнейшего совершенствования хорватского уголовного законодательства.

The paper is devoted to the most significant novels in the Penal Code of the Republic of Croatia (2011). The author begins with discussing the new concept of guilt and the principle of culpability, and then examines the distinctions between perpetration and complicity, as well as criteria of attempt at an offence and abandonment of an offence. Special attention is paid to the reform of the criminal sanctions system. The author thoroughly analyses the novel fifty-year imprisonment, comparing it with other possible means of the deterrence of the most dangerous offenders. Provisions of both substantive and procedural criminal laws purposed to reduce the overcrowding in prisons are dealt with. The new model of the fine based on daily rates is detailed. The above mentioned issues considered, the ways of the further improvement of the Croatian penal legislation are outlined.

Ключевые слова: хорватское уголовное законодательство, соучастие в преступлении, покушение на преступление, добровольный отказ от преступления, система уголовных санкций, тюремное заключение, штраф, альтернативные санкции.

Keywords: Croatian penal law, perpetrators and accessories, attempted offence, abandonment of offence, system of criminal sanctions, alternative sanctions, imprisonment, fine.

Введение

После распада в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославия федеральный Уголовный закон СФРЮ сохранил силу на территории хорватского государства под наименованием Основной уголовный закон Республики Хорватия. Поскольку этот закон представлял собой единое целое с республиканским Уголовным законом Республики Хорватия, сложилась необычная ситуация, когда одновременно применяются два уголовных закона. Такое положение просуществовало до 1 января 1998 г., когда вступил в силу принятый в 1997 г. единый нормативно-правовой акт – Уголовный закон Республики Хорватия. Этот закон, несмотря на некоторые «правовые трансплантаты» из законодательств западноевропейских капиталистических стран, в основе своей сохранил преемственность с югославянским социалистическим уголовным правом. После многочисленных изменений стали очевидны его непреодолимые системно-структурные недостатки. В связи с этим в 2009 г. началась работа над проектом нового Уголовного закона, который был принят в 2011 г., подвергся небольшим техническим правкам в конце 2012 г. и вступил в силу с 1 января 2013 г. В данной статье мы кратко осветим важнейшие новеллы в хорватском уголовном праве.

1. Вина и принцип вины

Уголовно-правовые системы бывших югославянских стран традиционно признают *психолого-нормативную теорию вины*, согласно которой умысел и неосторожность являются элементами вины, а не состава деяния. Новый Уголовный закон наравне с вменяемостью, умыслом (неосторожностью) и осознанием противоправности вводит четвертую составляющую вины – *отсутствие извиняющих обстоятельств* (ст. 23). Таким образом, сделан ещё один шаг в сторону *нормативных теорий*, вкладывающих в содержание вины особый элемент – возможность требовать иного поведения (*Zumutbarkeit*) и, соответственно, отсутствие извиняющих обстоятельств. В отличие от классических обстоятельств, исключающих вину (например, невменяемости), извиняющие обстоятельства (в частности, *превышение пределов необходимой обороны ввиду астенического аффекта и извиняющая крайняя необходимость*) представляют собой «ситуации, в которых лицо ввиду исключительной мотивации, вызванной конфликтным состоянием, заслуживает понимания со стороны правопорядка» [13, § 32ff., rub. 108].

В ст. 4 УЗ 1997 г. принцип вины формулировался следующим образом: «Никто не может быть подвергнут наказанию или иным уголовно-правовым санкциям, если он невиновен в учинённом деянии».

Такая дефиниция упускала из виду, что вина легитимирует наказание [6, с. 748], но не меры безопасности, которые, как известно, не связаны с виной [15, с. 150]; как следствие, оказалось невозможным применять меры безопасности к невменяемым. Поэтому новый УЗ переформулировал принцип вины с учётом дуалистической системы уголовных санкций, в рамках которой вина является основанием наказания (*nulla poena sine culpa*), но не мер безопасности. Вина как основание наказания предполагает ответ на вопрос: имеются ли все предпосылки, необходимые для поставления в упрёк, а вина как критерий меры наказания – какова суровость упрёка, адресованного лицу [1, с. 4].

2. Виновничество и соучастие

В УЗ 1997 г. виновничество строилось на основе теории господства над деянием. В ч. 4 ст. 35 говорилось, что подстрекатель и пособник содействуют осуществлению уголовного деяния, «не господствуя над его совершением», из чего логически вытекало, что виновник господствует над деянием.

Проф. Клаус Роксин, являющийся, пожалуй, самым известным сторонником данной теории, исходит из наличия трёх форм виновничества (учинительства), которым соответствуют три формы господства над деянием (*Tatherrschaft*): непосредственный виновник обладает господством над действием (*Handlungsherrschaft*), посредственный виновник – господством над волей другого лица (*Willensherrschaft*), совиновник – функциональным господством над деянием (*funktionelle Tatherrschaft*) [12, с. 15]. Не вдаваясь в рассмотрение тех возражений, которые высказаны в немецкой доктрине в адрес этой теории [13, § 25, rub. 62], отметим лишь, что и сам К. Роксин обращает внимание на её неприменимость к двум категориям преступлений. Во-первых, это т. н. «деликты обязанности» (*Pflichtdelikte*), под которыми понимаются уголовные деяния со специальным субъектом (*delicta propria*) и уголовные деяния, учиняемые путём бездействия; во-вторых, это т. н. «собственноручные деликты» (*Eigenhändige delikte*), т. е. такие уголовные деяния, существенный вклад в совершение которых не может быть расценён как совиновничество, а только лишь как пособничество (например, содержательница дома терпимости, подстроившая половое сношение между братом и сестрой, которые не осознают факт взаимного родства, отвечает не за инцест, а за соучастие в нём) [12, с. 106].

Ввиду отмеченных выше слабостей теории К. Роксина новый УЗ отказался от упоминания господства над деянием, давая возможность использовать разные теории для разграничения виновничества и соучастия.

В этой связи нельзя не затронуть проблему неосторожного сопричинения. Известен случай *The Rolling Stones* из швейцарской судебной практики: двое рабочих катили под гору два камня, и одним из этих камней был убит прохожий; установить, чей же камень стал причиной смерти, было невозможно (см. решение Союзного суда Швейцарии BGE 113 IV 54). Теория господства над деянием не позволяет обо-

сновавать ответственность обоих этих лиц за наступившее последствие, что, однако, можно сделать, прибегнув к конструкции «совместного нарушения должной осмотрительности» (ч. 3 ст. 36 УЗ).

3. Покушение и добровольный отказ

Согласно ч. 1 ст. 33 УЗ 1997 г. виновным в покушении считался тот, «кто умышленно начал осуществление уголовного деяния, но не закончил его». Данное положение основывалось на *формально-объективной теории*, восходящей к УК Франции 1810 г. и связывающей покушение с «началом исполнения» (*commencement d'exécution*). Однако бывают ситуации, когда осуществлён один из признаков состава деяния, но это ещё не покушение (например, лицо проникает в помещение, чтобы в другой раз украсть оттуда вещи), или наоборот – деяние, не содержащее в себе ни одного из признаков состава деяния, образует покушение (например, лицо приподнимает на пляже полотенце, чтобы украсть лежащий под ним кошелек). Поэтому и Франция отказалась от первоначальной формулы, и в других странах наблюдается переход к *индивидуально-объективным теориям*, учитывающим индивидуальный план лица и объективную близость его действий к осуществлению состава деяния (см. напр. ч. 2 § 15 Уголовного уложения Австрии). Следует этим тенденциям и новый УЗ Хорватии: согласно ч. 1 ст. 34, отвечает за покушение тот, «кто с умыслом на учинение уголовного деяния предпримет действие, которое в пространственном и временном отношении непосредственно предшествует осуществлению состава уголовного деяния».

Что касается добровольного отказа, новеллой здесь стало расширение данного института за счёт т. н. *безрезультатного отказа*. Речь идёт о ситуации, урегулированной в ч. 2 ст. 35 УЗ, согласно которой может быть освобождено от наказания и «лицо, добровольно предпринявшее действие, которое бы предотвратило учинение уголовного деяния, если это деяние осталось неоконченным по причинам, не зависящим от его действий» (например, учитель известил полицию о заложенной бомбе, не зная, что она уже демонтирована). (Схожие предписания содержатся в ч. 1 § 24 Германского уголовного уложения, в ч. 2 § 16 Уголовного уложения Австрии и в ч. 3 ст. 23 Уголовного кодекса Швейцарской Конфедерации). Целью данной нормы является поощрение возврата учинителя на путь права, который в подобных случаях ничем не отличается от «результативного» отказа [12, с. 561]. Правовые последствия безрезультатного отказа распространены также на совиновников и соучастников, так что они могут быть освобождены от наказания не только тогда, когда предотвратят учинение уголовного деяния, но и когда добровольно предпримут действия, которые должны были бы предотвратить его учинение, если деяние осталось неоконченным по причинам, не зависящим от их действий (ч. 3 ст. 35 УЗ).

4. Введение 50-летнего тюремного заключения

В 1990 г. была принята новая хорватская конституция, отменившая смертную казнь. Следствием этого стала чрезвычайная мягкость по отношению к

лицам, совершившим тягчайшие преступления, – максимальным наказанием для них оказалось 20-летнее тюремное заключение. УЗ 1997 г. ввёл длительное тюремное заключение на срок до 40 лет, однако и это решение нельзя признать удовлетворительным: серийные убийцы и насильники – это в основном 20 – 30-летние лица, которые, отбыв даже максимальное тюремное заключение, окажутся на свободе в возрасте, когда они ещё способны совершить новое преступление. Проанализируем различные подходы к данной проблеме, ставшие предметом дискуссий в Республике Хорватии.

В большинстве европейских стран существует *пожизненное тюремное заключение*, предусмотренное также Римским статутом Международного уголовного суда. В Хорватии же такого наказания никогда не было. Некоторые авторы подчёркивают *справедливость* пожизненного тюремного заключения за тягчайшие преступления и обращают внимание на его *общепреventивный эффект* в плане защиты от посягательств на важнейшие блага; при наличии возможности условного или условно-досрочного освобождения данное наказание может иметь также и *специально-преventивный эффект* [11, с. 399 – 400].

В пояснительной записке к правительственному проекту нового Уголовного закона как главный аргумент против пожизненного тюремного заключения выступает его неопределённость. Срок данного наказания зависит от того, будет ли применено условное освобождение и когда это случится; в конечном же счёте он ставится в зависимость от продолжительности жизни осуждённого. Кроме того, многие лица, совершившие особо тяжкие преступления, характеризуются уменьшенной вменяемостью, а это значит, что в свете ч. 2 ст. 47 УЗ пожизненное лишение свободы вообще неприемлемо, ибо «размер наказания не может превосходить степень вины».

Именно для таких опасных преступников во многих странах предусмотрена специальная мера безопасности, связанная с лишением свободы, – *преventивное заключение*, которое в отличие от тюремного заключения не преследует целей наказания, а призвано лишь устранить исходящую от лица опасность. В определённом смысле оно весьма схоже с помещением в психиатрическую больницу, однако для его применения в принципе не требуется невменяемости или существенно уменьшенной вменяемости на момент совершения деяния. Мера безопасности в виде задержания опасных преступников предусматривалась в § 51 Уголовного кодекса Королевства Югославия 1929 г., в котором была принята двухколейная система К. Штосса; и сегодня это один из наиболее распространённых институтов уголовного права, решающих проблему указанной категории делинквентов.

Нельзя, однако, оставить без внимания критику данной меры. Preventивное заключение избавляет общество от опасности, исходящей от неисправимых преступников, но при этом само несёт в себе опасность злоупотреблений как на законодательном уровне (расширение сферы применения), так и на практике (широкое толкование понятия опасности).

Так, в ФРГ из-за многократных изменений законодательства в 1998 – 2008 гг. данная мера перестала быть «крайней мерой уголовной политики» [10, с. 298]; заговорили даже о «ренессансе превентивного заключения» [3, с. 36]. К счастью, Европейский суд по правам человека гарантирует защиту от подобных вторжений в область основных прав и свобод: вынесенное им 17 декабря 2009 г. постановление по делу *М. против Германии* стало «началом конца» недопустимого регулирования превентивного заключения в этой стране [9] и укрепило скептическое отношение к данной мере в Хорватии.

Как один из вариантов рассматривалось и *последовательное исполнение нескольких приговоров к тюремному заключению* [17, с. 777]. Такая модель типична для англосаксонских стран, где суд может определить исполнение наказаний за несколько преступлений либо как *совпадающих*, либо как *последовательных*; если суд назначает последовательные наказания, то они исполняются одно за другим (так бывает в случаях неоднократных преступлений против разных потерпевших) [2, с. 263 – 269]. В итоге оказывается, что сроки тюремного заключения намного превосходят продолжительность человеческой жизни (например, за каждое из трёх квалифицированных убийств назначается по 40 лет тюремного заключения, что в общей сложности составляет 120 лет), и за этой «обманной вывеской» (*Etikettenschwindel*) фактически скрывается пожизненное заключение.

Поскольку ни один из перечисленных вариантов не нашёл в Хорватии благодатной почвы, компромиссным решением стало длительное тюремное заключение на срок 50 лет (ч. 2 ст. 46, ч. 3 ст. 51 УЗ). Данная мера наказания определена в законе как исключительная и может быть назначена лишь по совокупности преступлений, если суммарный срок назначенных за отдельные деяния наказаний в виде длительного тюремного заключения превышает 50 лет.

Очевидно, что сформулированное таким образом положение было призвано решить проблему молодых учинителей особо тяжких преступлений в совокупности (возрастная группа от 18 до 30 лет). Здесь проявилась боязнь, подкреплённая некоторыми конкретными примерами из практики, что такие лица и по отбытии 40-летнего срока наказания могут вновь совершать тяжкие уголовные деяния, что само по себе представляет опасность для общества. С другой стороны, лица старше 30 лет, осуждённые к длительному тюремному заключению на срок от 20 до 40 лет, вероятно, и так не доживут до освобождения, так что они в принципе не являются «кандидатами» на «продлённое» длительное тюремное заключение. Во всяком случае, речь здесь по сути идёт о пожизненном тюремном заключении, ибо 50 лет в абсолютном большинстве случаев означает до конца жизни. Так что и здесь мы имеем дело с «обманной вывеской».

С учётом того, что применение длительного тюремного заключения на 50-летний срок будет редким, поскольку оно зарезервировано для серийных учинителей особо тяжких уголовных деяний, для

обычных насильственных преступников предусмотрена особая мера безопасности – **охранительный надзор после полного отбытия тюремного заключения**, по образцу § 68f Германского уголовного уложения (*Führungsaufsicht bei Nichtaussetzung des Straftastes*). В соответствии с ч. 1 ст. 76 УЗ РХ данная мера безопасности может быть назначена наряду с тюремным заключением на срок не ниже пяти лет за умышленное уголовное деяние или наряду с тюремным заключением на срок не ниже двух лет за умышленное уголовное деяние с элементами насилия или за половой деликт. Вместе с тем эта мера безопасности применяется не всегда, а лишь тогда, когда основное наказание полностью отбыто, т. е. если осуждённый не был освобождён условно. Над таким осуждённым сразу же после выхода из тюрьмы начинается охранительный надзор, который предполагает определённые ограничения, имеющие целью дисциплинировать осуждённого и обеспечить ему возможность консультироваться с пробационным служащим; на такого осуждённого могут быть возложены и специальные обязанности. Речь идёт о форме т. н. *постпенитенциарной помощи*, которая призвана содействовать интеграции осуждённого в общество после его освобождения из заключения и обеспечить защиту конкретной жертвы и общества в целом [16, с. 199 – 222]. Очевидно, что в отношении лиц, не заслуживших условного освобождения, имеет место неблагоприятный прогноз включения в нормальную жизнь, а потому общество имеет право на такого рода защиту от своих опасных членов, даже несмотря на то, что они полностью отбыли назначенное им наказание.

5. Проблема переполненности тюрем

Европейский комитет по предупреждению пыток неоднократно обращал внимание на переполненность хорватских тюрем (процент наполняемости в них составляет в среднем 125 %). Новый УЗ содержит ряд положений, призванных решить этот вопрос.

Прежде всего, в нём существенно расширена сфера применения т. н. **альтернативных санкций**. Согласно ч. 4 ст. 2 Рамочного решения Совета ЕС от 27 ноября 2008 г. № 2008/947/JHA «О применении принципа взаимного признания к приговорам суда и решениям о пробации с целью осуществления надзора за исполнением мер пробации и альтернативных санкций», данное понятие охватывает санкции, содержащие определённые обязанности или требования и отличающиеся от тюремного заключения, мер, связанных с лишением свободы, и денежного штрафа.

Общественные работы – одна из важнейших альтернативных санкций, однако новый УЗ предусматривает её применение лишь в порядке замены штрафа или тюремного заключения; такое решение призвано гарантировать эффективность исполнения данной меры, поскольку существует угроза исполнения заменённого наказания.

УЗ предусматривает и т. н. **специальные обязанности**. К ним относятся, во-первых, обязанности восстановительного характера – загладить причи-

нённый вред и уплатить денежную сумму в пользу публичного учреждения, на гуманитарные или благотворительные цели либо в фонд защиты потерпевших. Во-вторых, это специально-превентивные обязанности, направленные на предотвращение совершения осуждённым новых преступлений и защиты жертвы, как то: лечение от зависимости, запрет приближаться к потерпевшему, выселение из дома на определённое время, запрет контактов с определёнными лицами, запрет владения оружием или иными предметами и т. д. (перечень их в ст. 62 УЗ оставлен открытым). Заметим, что многие из перечисленных в ст. 62 УЗ мер совпадают с предусмотренными в ст. 4 вышеназванного Рамочного решения «мерами пробации и альтернативными санкциями» (подробнее об этом см.: [5]).

Охранительный надзор (ст. 64) связан с возложением на осуждённого определённых обязанностей, призванных дисциплинировать его и обеспечить ему возможность консультироваться с пробационным служащим (например, периодически являться к пробационному служащему и представлять ему необходимую информацию и документы, не покидать страну без разрешения исполнительного суда, извещать пробационного служащего о перемене места жительства или работы и др.).

Общеизвестны негативные последствия краткосрочного тюремного заключения: невозможность перевоспитания, десоциализация и стигматизация первичных делинквентов, отрицательное влияние на них более опытных преступников, утрата страха перед тюрьмой, потеря работы, разрушение семейных отношений и, наконец, переполненность тюрем. Положительным моментом является лишь эффект «шоковой терапии», считающийся особенно действенным в отношении транспортных нарушителей. Поэтому ч. 1 ст. 45 нового УЗ предусматривает, что **краткосрочное** (до 6 месяцев) **тюремное заключение может применяться лишь в исключительных случаях** – «только если можно ожидать, что штраф или общественные работы невозможно будет исполнить, или если с помощью штрафа, общественных работ или условного осуждения невозможно достичь целей наказания».

С усилением в хорватском уголовном процессе состязательных начал ожидаются всё более частые **соглашения между государственным обвинителем и обвиняемым**. Однако для этого в ходе переговоров о санкции должно быть необходимое пространство для манёвра. С этой целью ч. 2 ст. 49 нового УЗ предусматривает, что нижний предел санкции, о которой могут договориться государственный обвинитель и обвиняемый, вдвое ниже общего предела. Разумеется, обвиняемого можно мотивировать к признанию вины, только предложив ему более мягкое наказание. Если бы этого не было, то в случаях совокупности преступлений возникла бы опасность того, что возобладает практика неосновательного отказа от обвинения по отдельным пунктам в ущерб публичным интересам и интересам потерпевшего; напротив, соглашения, предполагающие смягчение наказания, не ставят под сомнение рациональную карательную политику [4, с. 15].

6. Реформа штрафа

Система дневных ставок (*Tagessatzsystem*) – наилучшая в современном уголовном праве модель штрафа: она учитывает материальное положение конкретного осуждённого и причиняет одинаковые лишения как имущим, так и неимущим (т. н. «равенство жертв» – *Opfergleichheit*) [14, с. 156]. Эта система существовала и в УЗ 1997 г., однако в нём предусматривалось, что в порядке исключения размер штрафа может определяться пропорционально среднему дневному доходу в Хорватии (ч. 4 ст. 51). Суды восприняли это исключение как общее правило, что свело на нет весь смысл системы дневных ставок. Ст. 42 нового УЗ исключает такую возможность и обязывает суды при определении дневной ставки исходить только из имущественного положения виновного, принимая во внимание его доходы, необходимые траты и наличие у него имущества.

Были предложения [8, с. 131 – 132] по образцу ч. 2 § 40 Германского уголовного уложения предусмотреть, что в дневную ставку штрафа включаются и среднесовокупные доходы, которые виновный мог бы получить (т. н. потенциальные доходы) [7, § 40, rub. 49]. Законодатель в качестве критерия при определении размера дневной ставки называет «имущество», что, впрочем, имеет ту же цель, что и в немецком праве – не ставить в более выгодное положение тех, кто имеет имущество и не стремится получить от него доход (не сдаваемая внаём недвижимость, не вкладываемые под проценты сбережения). Дабы избежать на практике различных толкований потенциальных доходов от имущества, следовало бы связать это понятие с каким-то объективным экономическим фактором (напр., с учётной ставкой Хорватского национального банка). Так, немецкие суды определяют потенциальные доходы в размере не менее 3 % стоимости в год [7, § 40, rub. 63].

Литература

1. Achenbach, H. Historische und dogmatische Grundlagen der strafrechtssystematischen Schuldlehre / H. Achenbach. – Berlin: Schweitzer, 1974. – 239 S.
2. Ashworth, A. Sentencing and Criminal Justice / A. Ashworth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 419 p.
3. Bartsch, T. Sicherungsverwahrung – Recht, Vollzug, aktuelle Probleme / T. Bartsch. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 404 s.
4. Damaška, M. Napomene o sporazumima u kaznenom postupku / M. Damaška // Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. – 2004. – Vol. 11. – Br. 1.
5. Probation Measures and Alternative Sanctions in the European Union / D. Flore [et al.]. – Morsel: Intersentia, 2012. – XVI. – 622 p.
6. Hirsch, H. J. Das Schuldprinzip und seine Funktion im Strafrecht / H. J. Hirsch // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. – 1994. – Vol. 106. – № 4.
7. Laufhütte, H.W. Strafgesetzbuch. Leipziger Kommentar / H.W. Laufhütte, R. Rissing-van Saan, K. Tiedemann (Hrsg.). – 12. Aufl. – Berlin: DeGruyter, 2006. – Band 2.
8. Maršavelski, A. Neodređene ili određene vrijednosti u kaznenom pravu / A. Maršavelski // Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. – 2009. – Vol. 16. – Br. 1.
9. Maršavelski, A. Sicherungsverwahrung – bezbednosna mera na prekretnici / A. Maršavelski // Uvod u pravo Nemačke. – Beograd: Institut za uporedno pravo, 2011. – Str. 125 – 140.
10. Meier, B.-D. Strafrechtliche Sanktionen / B.-D. Meier. – Berlin / Heidelberg: Springer, 2009. – 375 s.
11. Novoselec, P. Opći dio kaznenog prava. – 3. izd. / P. Novoselec. – Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2009. – XX, 574 str.
12. Roxin, C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band II: Besondere Erscheinungsformen der Straftat / C. Roxin. – München: C. H. Beck, 2003. – XXXII. – 899 s.

Заключение

Югославянское уголовное законодательство представляло собой стройную систему, которая в течение переходного периода оказалась разрушена, а УЗ 1997 г. стал образцом бессистемности. В настоящей работе критически рассмотрены лишь некоторые системные недостатки общей части этого уголовного закона, самый главный из которых – формулировка принципа вины, отражавшая монистическую систему уголовных санкций и вступавшая в явное противоречие с противопоставлением наказаний и мер безопасности. Наилучшим выходом из ситуации оказалось принятие нового уголовного закона, отразившего современные достижения германской правовой семьи, к которой традиционно принадлежит большая часть Хорватии. Как это всегда бывает в ходе крупных законодательных реформ, вначале обнаруживаются проблемы и непоследовательность судебной практики, особенно в плане интерпретации новых законодательных положений и «правовых трансплантатов» из иностранного законодательства, однако есть основания надеяться, что со временем выкристаллизуется правильное применение закона. С другой стороны, бессистемность будет и далее проявляться в тех разделах, где не были рецепированы качественные решения из зарубежного права, как, например, в случае с особо опасными серийными преступниками, для которых не предусмотрено превентивное заключение как мера безопасности, дополняющая наказание в виде тюремного заключения. Такие недостатки, однако, весьма немногочисленны и на практике не должны создать серьёзных проблем, тем более что законодатель в ходе последующих реформ может устранить и их.

13. Schönke, A., Schröder H. (Hrsg.) Strafgesetzbuch. Kommentar. – 27. Aufl / A. Schönke. – München: C. H. Beck, 2006. – XXXIII. – 2882 s.
14. Sevdiren, Ö. Alternatives to Imprisonment in England and Wales, Germany and Turkey: A Comparative Study / Ö. Sevdiren. – Berlin: Springer, 2001. – 270 p.
15. Streng, F. Strafrechtliche Sanktionen. – 2. Aufl / F. Streng. – Stuttgart: Kohlhammer, 2002. – 477 s.
16. Šeparović, Z. Kazneno izvršno pravo i uvod u penologiju / Z. Šeparović. – Zagreb: Pravni fakultet, 2003. – XVIII. – 272 str.
17. Tripalo, D. Odmjeravanje kazne za kaznena djela u stjecaју / D. Tripalo, M. Mrčela // Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. – 2009. – Vol. 16. – Br. 2.

Перевёл с хорватского С. А. Силаев.

Информация об авторе:

Маршавелски Александар – ассистент кафедры уголовного права юридического факультета Загребского университета (Республика Хорватия), аспирант Института иностранного и международного уголовного права общества Макса Планка и юридического факультета Фрайбургского университета им. Альберта и Людвиг (ФРГ), aleksandar.marsavelski@gmail.com.

Aleksandar Marshavelski – Assistant Lecturer at the Department of Penal Law, Faculty of Law, University of Zagreb (Republic of Croatia), PhD student of the joint degree programme of the Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law and the Albert-Ludwig University of Freiburg (Federal Republic of Germany).

Статья поступила в редколлегию 31.03.2014 г.